

Глава первая. Пробуждение

Близился закат. Уходящее солнце окрасило облака на горизонте в сочные огненно-рыжие тона. Издалека это зрелище казалось ослепительно ярким и величественным.

Управляющий Ли Канпин стоял у ворот усадьбы. Заложив руки за спину, он заворожённо смотрел вниз, туда, где над домами Деревни Большого Ковша поднимались тонкие сизые струйки печного дыма.

Позади остались две недели изнурительных хлопот. Ему всё же удалось успеть до начала лета: работники усадьбы вместе с деревенскими выбрали подходящие участки и высадили фиолетовые корни. Только теперь Канпин смог облегчённо вздохнуть.

Ведь должностью управляющего он был обязан случаю десятилетней давности. Тогда он, простой свинопас, среди груды обычных корней свиной травы каким-то чудом разглядел несколько штук странного иссиня-чёрного цвета. Как выяснилось позже, они давали такой же стойкий краситель, как и ценный воробейник.

Благодаря этой находке Канпин в один миг выбился из грязных свинопасов в управляющие. Более того, его заметил сам великий господин Чжу. Хозяин даже приставил его к своему доверенному помощнику, управляющему Хэ, у которого Канпин два года перенимал опыт и учился вести дела усадьбы, чтобы в будущем не ударить в грязь лицом.

А когда срок обучения прошёл и Канпин официально вступил в должность здесь, в Деревне Большого Ковша, управляющий Хэ прислал ему в помощники Чжу Сяохуа — потомственного слугу господского дома.

Невиданная честь! Кто бы мог подумать, что сирота-свинопас удостоится такого доверия от самого хозяина?

Вспоминая те славные два года под началом управляющего Хэ, Ли Канпин невольно задира л нос. Он расправил плечи и, подражая своему наставнику, важно прищурился, заложил руки за спину и принялся со знанием дела созерцать багряный закат.

Спустя какое-то время, решив, что достаточно проникся благородным изяществом, Канпин удовлетворенно погладил упитанный живот и не спеша отправился в обход — растряссти сытный ужин и заодно осмотреть доверенные ему владения.

Великий господин доверил ему усадьбу вовсе не для праздного безделья. Канпин обязан служить верой и правдой и следить, чтобы здесь не случилось ничего, что могло бы бросить тень на доброе имя хозяев.

Чжу Сяохуа бежал от самой усадьбы без остановки. Едва добравшись до ворот дома Ли, он обессиленно упёрся руками в колени, шумно лоя ртом воздух, и закричал во весь голос:

— Старина Ли! Живее выходи, беда! Твой младшенький без чувств в траве лежит, у самых ворот усадьбы!

«Ох, только бы ничего дурного не случилось, — пронеслось в голове у Сяохуа. — Старина Ли ведь только в прошлом месяце помолвил своего младшего. Хоть бы обошлось!»

Юноша лежал в высокой траве неподалёку от усадьбы. Если бы управляющему Ли после ужина не вздумалось послоняться без дела по окрестностям, никто бы его там и не заметил.

Створки ворот с треском распахнулись. Из двора кучей высыпали четыре человека. Впереди всех с помертвевшим лицом бежал сам старина Ли.

Не дав растерянному отцу вставить и слова, Чжу Сяохуа развернулся и припустил обратно, на бегу бросая следовавшим за ним мужчинам:

— Быстрее за мной! Управляющий Ли нашёл вашего младшего в зарослях, он сейчас там, караулит его и ждёт вас!

В усадьбе не держали прислуги-женщин или гэеров — одни только неженатые мужики да бобыли. Именно поэтому управляющий Ли не решился сам нести юношу, а остался караулить его в сторонке, послав Сяохуа за подмогой.

Дело щепетильное: младший сын Ли — помолвленный гэр, а они — чужие мужчины. Вздумай они прикоснуться к нему или принести на руках, слухов потом не обернуться. Дойди весть до будущих родственников со стороны жениха — и пиши пропало, парню бы всю жизнь сломали.

Разумеется, окажись его жизнь под угрозой, тут уж не до приличий. Но Ли Канпин сразу определил, что юноше ничего смертельного не грозит, и решил поступить благоразумно. Чжу Сяохуа спорить не стал и со всех ног бросился в деревню.

Старина Ли бежал во весь дух, не отставая от Чжу Сяохуа. Следом за ним, тяжело дыша, спешили старший сын Ли Даосэнь и внуки — Эрлан с Циланом. Вскоре они показались на холме у ворот усадьбы, где их ждал управляющий Ли.

Едва кивнув ему в знак приветствия, старина Ли даже не остановился, чтобы расспросить о случившемся, а сразу бросился в густую траву, выискивая взглядом младшего сына.

— Сяо Ци! Сынок! Что с тобой?.. О господи, дитяtko моё, не пугай отца!

Старик упал на колени, бережно приподнял голову сына и дрожащими пальцами коснулся его губ. Дыхание было ровным и спокойным. Ощупав его руки и ноги и не найдя никаких видимых ран или переломов, старина Ли наконец дал волю слезам, запричитав от пережитого страха.

Что же стряслось? Отчего Сяо Ци рухнул посреди поля без чувств?

Старик поднял на управляющего полные слёз глаза и хриплым, дрожащим голосом произнёс:

— Спасибо вам, управляющий Ли! Век не забуду вашей доброты. И брату Чжу спасибо, что прибежал. Если бы не вы... лежал бы мой мальчик здесь до самой ночи, а мы бы и знать не знали.

Немного успокоившись, он виновато добавил:

— Простите мне мою поспешность, господин управляющий... Вижу, что ран на нём нет, но на душе всё равно беспокойно. Хочу поскорее отнести его домой, пусть шестой брат осмотрит. Как только Сяо Ци придёт в себя, мы обязательно придём поклониться вам и отблагодарить как следует!

Старина Ли прекрасно знал повадки своего младшего. Тот хоть и был гэером, с детства рос шустрым и крепким: то на гору уйдёт, то в реке плещется, здоровья ему было не занимать. Случись какая беда, этот проныра первым делом дал бы стрекача.

И то, что он сейчас лежал без сознания, не укладывалось у отца в голове. Какая неведомая сила свалила его с ног? Пока шестой сын, местный лекарь, всё тщательно не проверит, старик просто не сможет успокоиться. Сейчас ему было совсем не до светских бесед с управляющим.

— Кхм... Ступайте, дело нетерпящее, — Ли Канпин неловко кашлянул.

Видеть, как пожилой крестьянин плачет перед ним навзрыд из-за какого-то мальчишки, управляющему было непривычно и даже как-то неловко.

«Надо же, как он над ним трясётся, — удивлённо подумал Канпин. — Чтобы в простой крестьянской семье так баловали гэера — невиданное дело!»

Он молча махнул рукой, давая понять, что не держит их, вежливо кивнул на прощание и поспешил за ворота усадьбы вместе со своим помощником.

— Доброй дороги, господин управляющий! Спасибо тебе, братец Чжу! — донеслось им вслед.

Дождавшись, пока они скроются из виду, старина Ли тут же прикрикнул на притихших сыновей и внуков:

— Чего застыли, как истуканы?! Даосэнь, быстро бери Сяо Ци на спину — и домой! Эрлан, ты у нас самый резвый, лети стрелой к шестому дяде. Объясни всё как есть, пусть достаёт лекарский сундучок и ждёт нас! Цилан, мальчик мой, ты поаккуратнее будь. Помогай отцу, придержи Сяо Ци, не дай бог где ударится или соскользнёт!

Сам старина Ли уже не рискнул бы нести сына — годы не те, ноги на ухабистой дороге могли подвести. Будь его воля, он бы ни за что не доверил такое хрупкое сокровище неуклюжему Даосэню, но выбора не оставалось.

Внукам, Эрлану и Цилану, тащить дядю тоже не пристало — всё-таки они были младше поколением, да и негоже парням обнимать помолвленного родственника, пусть даже родного дядю-гэера, когда рядом взрослый отец.

«Да и ладно, некогда сейчас чины разбирать, лишь бы поскорее добраться», — мысленно махнул рукой старик.

Тем временем Ли Цаосэнь, которого взмыленный Эрлан тащил за рукав чуть ли не волоком, ворвался в отцовский дом. Старика с Даосэнем ещё не было видно.

Переведя дух, лекарь бережно забрал из рук племянника деревянный сундучок с лекарствами, проверил, всё ли на месте, и обернулся к молчаливому парню:

— Ну, Эрлан, теперь выкладывай толком: что с твоим седьмым дядей стряслось?

У Цаосэня до сих пор сердце в пятки уходило от страха.

Минут десять назад Эрлан ураганом влетел к нему во двор, вцепился мёртвой хваткой в руку и молча потащил на улицу. Они уже выбежали на дорогу, как парень резко затормозил, едва не отправив дядю лицом в грязь.

Прежде чем Цаосэнь успел возмутиться, племянник бросил его одного, метнулся обратно в дом, схватил забытый лекарский сундучок и снова поволок лекаря за собой, не проронив ни звука.

Единственное, что удалось вытянуть из упрямого мальчишки на бегу, это то, что дед велел срочно осмотреть Сяо Ци.

Осмотреть? Неужели младший поранился? Или, упаси небо, с ним случилось что-то похуже?

От этих мыслей у Цаосэня даже дыхание перехватило. Сяо Ци был любимцем всей семьи, смыслом жизни для отца и матушки-гэера. Если с ним стряслась беда, старики этого просто не переживут!

Эрлан в ответ лишь растерянно моргнул и почесал затылок.

«Странно, — подумал парень. — Я же вроде всё объяснил».

Дед ведь ясно сказал: приведи шестого дядю, пусть посмотрит седьмого дядю.

Посмотрев на нахмурившегося дядю, Эрлан невольно вспомнил, как тот потчевал его горькими отварами во время простуды, и поспешно втянул голову в плечи. Слегка заикаясь, он повторил слово в слово:

— Дедушка велел привести тебя, чтобы ты осмотрел седьмого дядю. И сундучок просил взять. Вот.

Буркнув это, Эрлан выдавил глуповатую улыбку и пулей выскочил во двор. Уж лучше постоять у ворот и подождать деда, чем находиться под тяжёлым взглядом шестого дяди.

Цаосэнь только открыл было рот, чтобы расспросить подробнее, но парень уже скрылся за дверью.

Лекарь лишь покачал головой — с этим молчуном каши не сваришь. Делать нечего, оставалось только мерить шагами комнату в томительном ожидании.

«Хоть бы всё обошлось, — без конца твердил он про себя. — Господи, спаси и сохрани нашего Сяо Ци».

На рассвете первые лучи солнца, пробившись сквозь плотное плетение бамбуковой шторы, мягко разогнали ночной сумрак в комнате.

Лежавший на кровати Ли Сяо пошевелился. Словно повинуясь внутренним часам, он медленно открыл глаза и сладко потянулся под одеялом. Но на полпути он внезапно оцепенел.

Сонливость мгновенно испарилась. Ли Сяо несколько раз недоуменно моргнул, а затем замер, бессмысленным взглядом уставившись в незнакомый потолок.

Прошло немало времени, прежде чем мысли его прояснились, а следом окончательно проснулись и воспоминания.

Что ж... Похоже, он переродился.

Причём переродился в теле младенца в каком-то неведомом параллельном мире, затерянном в глубине веков.

<http://bllate.org/book/20616/2112397>